

Окунув кисть в чернила, Чунь Жуй начертала на развернутой перед ней бумаге два иероглифа: «Ци Гуан». Ее голос звучал спокойно и ровно, без лишних эмоций:

— Иероглиф «Ци» не вызывает сомнений, а вот «Гуан» я написала по своему усмотрению. Как в стихах: «Сравняться с небом и землей в долголетьи, с солнцем и луной — в сиянии».

А Ци, глядя на изящные, словно рисунок, иероглифы, не мог сдержать улыбки. В его душе вспыхнуло чувство благодарности и решимости: он ни за что не подведет этого человека.

— Спасибо, господин Лин, — промолвил он.

И тут же в его голове мелькнула мысль: а что, если написать их имена рядом? Это будет словно символ их любви, который свяжет их навеки.

— А как пишется ваше имя?

Ань Жун, пребывая в хорошем настроении, снова взял кисть и рядом с двумя иероглифами вывел «Ань Жун». Как и прежде, это были аккуратные и изящные иероглифы.

— Меня зовут Ань Жун.

А Ци с удивлением посмотрел на него. Это был первый раз, когда этот человек сам назвал свое имя. А Ци прекрасно помнил, как милая и красивая девушка называла его «братец Ань Жун». Тогда он уже запомнил это имя, но не ожидал, что тот сам его произнес. Значит ли это, что он для него немного больше, чем просто слуга?

— Я буду звать тебя Сяо Жун, — произнес А Ци, покраснев и опустив взгляд.

Неуверенное поведение А Ци задело Ань Жуна. Ему не нравилась эта чрезмерная близость, которая словно ставила его на один уровень с ними. Ему это было неприятно, и он хотел от этого избавиться. С силой бросив кисть с чернилами, он попал ею прямо в А Ци.

— Ты, кажется, снова забыл о своем положении.

А Ци так и не поднял головы. Его глаза были полны слез, и он боялся, что тот их увидит. В туманном взгляде он лишь заметил чернильное пятно на своей грубой одежде, слившееся с уже имеющимися заплатами и грязью. Эта старая одежда стала еще уродливее. Он не винил его: сегодня он действительно был слишком нагл, осмелившись называть хозяина уменьшительным именем. Это был его промах.

Возможно, жалкий вид А Ци растрогал Ань Жуна. На его лице появилось выражение сомнения, и спустя долгую паузу он лишь вздохнул:

— Уходи.

А Ци понимал границы. Сегодня он был неправ, но господин Лин не ударил его и даже не поругал. Получив снисхождение, он должен был вести себя смиренно. Моргнув, он высушил слезы и осторожно улыбнулся:

— Господин Лин, могу я взять эту бумагу?

— Бери, — холодно ответил Ань Жун.

А Ци не посмел взглянуть на него и, съежившись, подошел к столу. Осторожно свернув бумагу

с их именами, он аккуратно разгладил уголки, прежде чем взять ее и уйти.

Ань Жун наблюдал за уходящей фигурой А Ци, и в его сердце неожиданно возникло чувство жалости. Лай собаки из угла вернул его к реальности.

Цю Гуань, собравшись уйти из комнаты для слуг, издалека заметила А Ци. Его походка была странной, но она не придала этому значения.

— Что ты здесь делаешь?

Она протянула ему два кусочка гречневого хлеба.

— Это твой обед.

— Хм, маленькая девчонка, а еще помнишь о брате.

— Куда ты пропал? Я тебя весь день не видела.

А Ци знал, что эта девчонка была умнее многих своих сверстников, но пока не хотел рассказывать ей об Ань Жуне. Помахав хлебом, он уклончиво ответил:

— Спасибо, куда я могу пойти? Работал, вот и все.

Цю Гуань уловила неестественность в его словах. Она была уверена, что А Ци что-то скрывает, и, заметив аккуратно свернутую бумагу в его руке, спросила:

— А Ци, что это у тебя?

— Ничего, иди занимайся своими делами.

Вернувшись к своей кровати, А Ци осторожно разложил бумагу на постели. К счастью, она была небольшой, и, сложив ее несколько раз, он смог уместить ее в старую деревянную шкатулку. Вынув оттуда мелкие серебряные монеты и медяки, он положил их в маленький мешочек, а бумагу аккуратно поместил внутрь. Раньше эти деньги были его самым ценным сокровищем, но отныне это место заняла бумага.

Приближался Новый год, и по всему кварталу Пинкан, вплоть до окраин города, улицы и переулки были наполнены праздничной суетой. Повсюду продавались новогодние украшения, фонарики и вырезанные из бумаги узоры. Служанки и рабы из Двора Вечной Весны, заразившись праздничным настроением, работали с особым усердием, но их сердца уже улетели в родные края...

По традиции, в дни старого Нового года Двор Вечной Весны закрывался на три дня: канун Нового года, первый и второй день праздника. Те, кто хотел, могли отправиться домой, чтобы провести время с семьей; те же, кто жил далеко или не желал уезжать, оставались в доме. В эти дни не нужно было работать, и все вместе праздновали.

А Ци всегда возвращался домой, даже если его семья не ждала его с нетерпением. Мысль о возвращении к корням была глубоко укоренена в его сознании, тем более что его родной уезд Шуян находился не так далеко. Однако в этом году все было иначе.

Накануне Нового года А Ци наблюдал, как трое его соседей по комнате собирали вещи, обсуждая, как соскучились по дому, родителям и женам. В прошлые годы А Ци тоже участвовал в этих разговорах, но теперь он молчал, так как еще не решил, ехать ли ему домой.

Долго размышляя, А Ци все же поднялся на второй этаж. Прислонившись к двери, он прислушался к звукам внутри. Слышался голос Чунь Жуй. А Ци колебался, стоит ли ему войти, но вдруг из комнаты раздался голос:

— Кто там?

Это была Чунь Жуй. Прежде чем А Ци успел ответить, Ань Жун холодно произнес:

— Войди.

Его голос был лишен эмоций, и, казалось, он уже догадался, кто стоит за дверью.

А Ци вошел, и Чунь Жуй слегка поклонилась ему, что вызвало у него легкое смущение. Ань Жун повернулся к ней и сказал:

— Уходи.

Чунь Жуй, получив приказ, приготовилась уйти, но перед этим добавила:

— Я пойду займусь тем, о чем вы говорили. Если что-то еще понадобится, скажите Цю Мин, она не уезжает на праздники.

После чего она удалилась.

Оказывается, они обсуждали подготовку к празднику. Из слов Чунь Жуй А Ци понял, что Ань Жун, скорее всего, останется в доме на Новый год, и это обрадовало его. Теперь он мог окончательно решить не ехать в Шуянь, и они смогут встретить Новый год вместе.

А Ци наблюдал, как Ань Жун читает книгу, не говоря ни слова, и чувствовал себя словно невидимка. Не выдержав, он тихо спросил:

— Ты не едешь домой на праздники?

Для Ань Жуна это был болезненный вопрос. Какой дом мог быть у бедного дворянина? Но А Ци этого не знал.

Увидев, что Ань Жун не отвечает, А Ци понял, что, возможно, сказал что-то не то. Кто бы стал оставаться, если бы мог уехать? Разве что у него были причины, о которых он не хотел говорить. На лице А Ци появилось выражение сожаления и вины.

Спустя долгое время Ань Жун закрыл книгу и, сделав глоток чая, не поднимая глаз, спросил:

— Зачем ты пришел?

Наконец он заговорил, и А Ци немного занервничал. Слова застряли у него в горле, но он не мог не ответить. В их отношениях он всегда был тем, кто осторожно взвешивал каждое слово и взгляд.

— В этом году я тоже... не поеду домой, — произнес он, словно что-то осталось недосказанным.

Затем, сделав глубокий вдох, добавил:

— Мы можем встретить Новый год вместе.

Ань Жун устремил на него прямой взгляд, его черные глаза излучали ледяной холод.

— Новый год нужно встречать с семьей. Мы с тобой — не семья.

Хотя эти слова ранили А Ци, он уже привык к такому обращению. Этот человек всегда был таким, и, к счастью, А Ци научился скрывать свои эмоции. Однако в душе он чувствовал горечь.

— Я хотел сказать, что те, кто остался в доме, могут встретить праздник вместе... Кто говорил, что будем только мы двое? — его голос становился все тише, и А Ци знал, что его слова звучат неубедительно.

Спасибо, Чанъань, за твою поддержку!

Спасибо, что любишь мою историю ^?_?^

<http://bllate.org/book/16237/1459404>